

Н. Аннивьев
**БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ
САНКТ
ПЕТЕРБУРГ**

*Обложка и портрет поэта
работы художника К. К. Кузнецова*

Издание Б. В. Чарковского — Сан Франциско

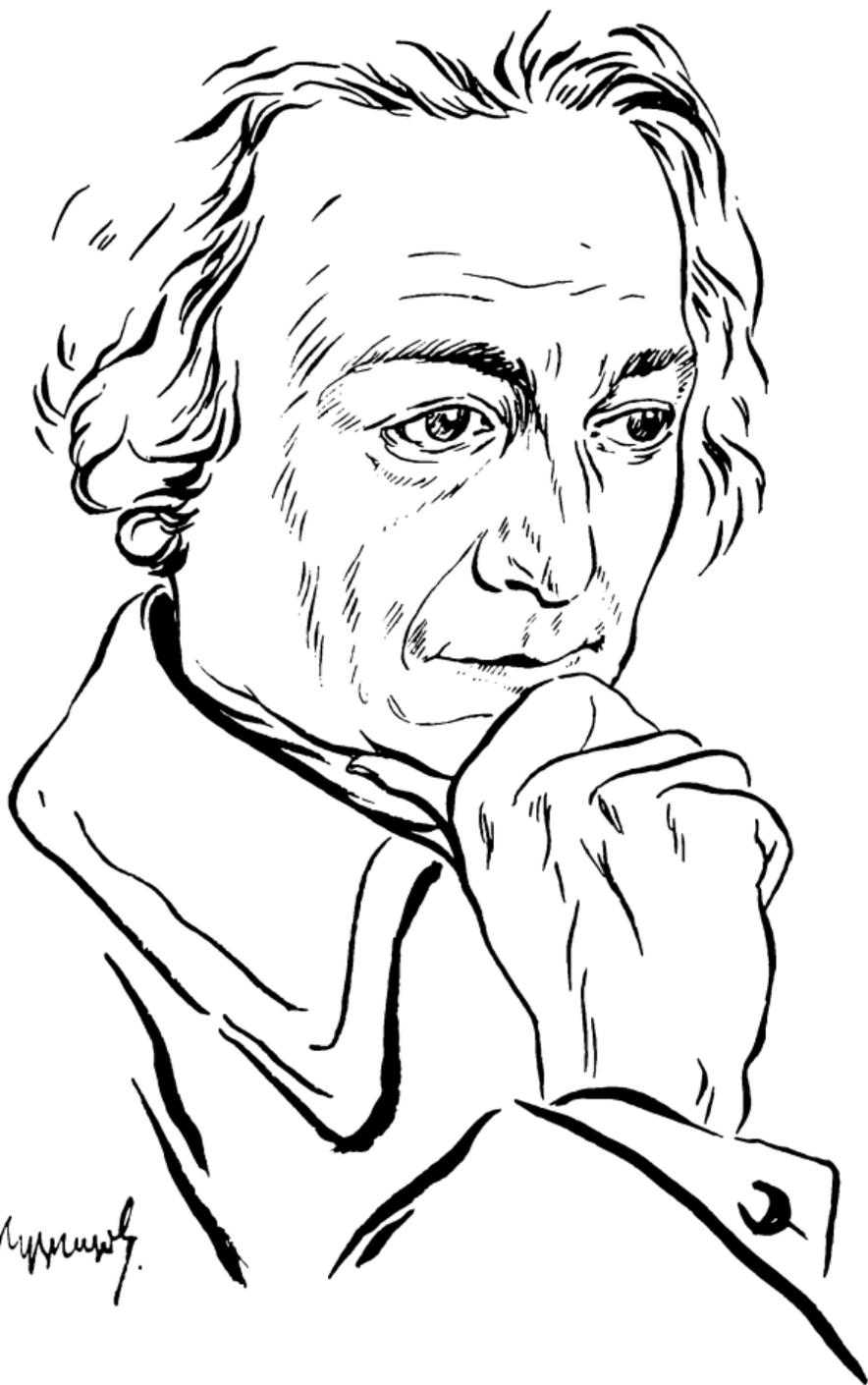
Отпечатано в тип. Г. Бутова — Мюнхен

Н. Агнивцев

**БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ
САНКТ ПЕТЕРБУРГ**

Сан Франциско

1 9 6 2

БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ САНКТ ПЕТЕРБУРГ

**В моем изгнании бесконечном
Я видел все, чем мир дивит:
От башни Эйфеля до вечных
Легендо-звонных пирамид.**

**И вот, «на ты» я с целым миром!
И, оглядевши все вокруг,
Пишу расплавленным Ампиром
На диске солнца — «Петербург».**

ВДАЛИ ОТ ТЕБЯ, ПЕТЕРБУРГ

**Ужель в скитаниях по миру
Вас не пронзит ни разу, вдруг
Молниеносною рапирой
Стальное слово — «Петербург»?**

**Ужели Пушкин, Достоевский,
Дворцов застывший плац парад,
Нева, Милльонная и Невский
Вам ничего не говорят?**

**А трон российской Клеопатры
В своем саду? И супротив
Александринского театра
Непоколебленный массив?**

**Ужель неведомы вам даже
Фасад Казанских колоннад?
Кариатиды Эрмитажа?
Взлетевший Петр и Летний Сад?**

**Ужели вы не проезжали
В немного странной вышине
На старомодном «империале»
По Петербургской Стороне?**

**Ужель из рюмок тонно-узких
Цедя зеленый пепермент,
К ногам красавиц петербургских
Вы не бросали комплимент?**

**А непреклонно раздраженный
Заводов Выборгских гудок?
А белый ужин у Донона?
А Доминикский пирожок?**

**А разноцветные цыгане
На Черной Речке за мостом,
Когда в предутреннем тумане
Все кувыркается вверх дном;**

**Когда моторов вереница
Летит дрожа на Острова,
Когда так сладостно кружится
От Редерера голова?**

**Ужели вас рукою страстной
Не молодил на сотню лет
На первомайской сходке — красный
Бурлящий университет?**

**Ужель мечтательная Шура
Не оставляла у окна
Вам краткий адрес для Амура:
«В.О.7 л. д. 20-а»?**

**Ужели вы не любовались
На сфинксов фивскую чету?
Ужели вы не целовались
На Поцелуевом мосту?**

**Ужели белой ночью мая
Вы не бродили у Невы?
Я ничего не понимаю...
Мой Боже, как несчастны вы!**

ГРАНИТНЫЙ БАРИН

**Париж, Нью Йорк, Берлин и Лондон!
Какой аккорд! Но пусть их Рок!
Всем четверем один шаблон дан,
Один и тот же котелок!**

**Ревут моторы, люди, стены,
Гудки, витрины, провода...
И, обалдевши совершенно,
По крышам лупят поезда!**

**От санюлотов до бомонда,
В одном порыве вековом,
Париж, Нью Йорк, Берлин и Лондон
Несутся вскачь за пятаком!**

**И в этой сутолке всемирной,
Один на целый мир вокруг,
Брезгливо поднял бровь Амфирный
Гранитный барин — Петербург!**

САНКТ ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТРИОЛЕТЫ

**Скажите мне, что может быть
Прекрасней Невской Перспективы,
Когда огней вечерних нить
Начнет размеренно чертить
В тумане красные извивы!
Скажите мне, что может быть
Прекрасней Невской Перспективы?**

**Скажите мне, что может быть
Прекрасней белой майской ночи,
Когда начнет Былое вить
Седых веков седую нить
И возратить столетья хочет!
Скажите мне, что может быть
Прекрасней белой майской ночи?**

**Скажите мне, что может быть
Прекрасней дамы Петербургской,
Когда она захочет свить
Любви изысканную нить
Рукой небрежною и узкой!
Скажите мне, что может быть
Прекрасней дамы Петербургской?**

СТРАННЫЙ ГОРОД

**Санкт Петербург — гранитный город,
Взнесенный словом над Невой,
Где небосвод давно распорот
Адмиралтейскою иглой!**

**Как явь вплелись в твои туманы
Виденья двухсотлетних снов.
О, самый призрачный и странный
Из всех российских городов!**

**Недаром Пушкин и Растрелли,
Сверкнувши молнией в веках,
Так титанически воспели
Тебя — в граните и в стихах!**

**И майской ночью в белом дыме
И в завыванье зимних пург
Ты всех прекрасней, несравнимый
Блистательный Санкт Петербург!**

У АЛЕКСАНДРИНСКОГО ТЕАТРА

**Там, где Российской Клеопатры
Чугунный взор так горделив,
Александринского театра
Чеканный высится массив.**

**И в ночь, когда притихший Невский
Глядит на бронзовый фронто́н,
Белеет тень Комиссаржевской
Меж исторических колонн.**

**Ты, Петербург, с отцовской лаской
Гордишься ею! Знаю я:
Была твоей последней сказкой
Комиссаржевская твоя!..**

**Нежнее этой сказки нету!
Ах, Петербург, меня дивит:
Как мог придумать сказку эту
Твой размечтавшийся гранит?..**

САНКТ ПЕТЕРБУРГ

Ах, как приятно в день весенний
Урвать часок на променад
И для галантных приключений
Зайти в веселый Летний сад.

Там, среди толпы жантильно-гибкой,
Всегда храня печальный вид,
С разочарованной улыбкой
Поручик Лермонтов стоит.

Ах, Санкт Петербург, все в тебе
очень странно,
Серебряно-призрачный город туманов!

Ах, Петербург! Красавиц «мушки»,
Дворцы, каналы, Невский твой,
И Александр Сергееч Пушкин
У парапета над Невой!

А белой ночью, как нелепость,
Забывши день, всю ночь без сна,
На Петропавловскую крепость
Глядеть из темного окна!

И, лишь запрут в Гостином лавки,
Несутся к небу до утра
Рыданья Лизы у канавки
И топот Медного Петра!

**Ах, Санкт Петербург, все в тебе
очень странно,
Серебряно-призрачный город туманов!**

**Ах, Петербург! Красавиц «мушки»,
Дворцы, каналы, Невский твой,
И Александр Сергеич Пушкин
У парашута над Невой!**

ПЕТР ПЕРВЫЙ

**Москва и Киев задрожали,
Когда Петр в треске финских скал
Ногой из золота и стали
Болото Невское попрал.**

**И взвыли плети! И в два счета
Движеньем Царской длани вдруг
Из грязи Невского болота
Взлетел Амфирный Петербург.**

**И до сих пор, напружив спины,
На спинах держат град старинный
Сто тысяч мертвых костяков
Безвестных русских мужиков.**

**И вот теперь через столетья,
Из-под земли, припомнив плети,
Ты слышишь, Петр, как в эти дни
Тебе аукают они? ..**

СЛУЧАЙ НА ЛИТЕЙНОМ ПРОСПЕКТЕ

В этот вечер над Невую
Встал туман. И град Петра
Запахнулся с головою
В белый плащ из серебра.
И тотчас же для начала,
С томным криком вдалеке
Поскользнулась и упала
Дама с мушкой на щеке.

— На Литейном, прямо, прямо,
Возле третьего угла,
Там, где Пиковая Дама
По преданию жила.

И в слезах, прождав немало,
Чтобы кто помог ей встать,
В огорченьи страшном стала
Дама ручками махать.
И на зов прекрасных ручек,
К ней со всех пустившись ног,
Некий гвардии поручик
Мигом даме встать помог.

— На Литейном, прямо, прямо,
Возле третьего угла,
Там, где Пиковая Дама
По преданию жила.

**Что же дальше? Ах, избавьте!
Неизвестен нам финал.
Мы не видели... Представьте,
Нам... туман там... помешал.
Мы одно сказать лишь можем:
Был поручик очень мил!..
И затем одним прохожим
Поцелуй услышан был.**

**— На Литейном, прямо, прямо,
Возле третьего угла,
Там, где Пиковая Дама
По преданию жила.**

НА «СТРЕЛКЕ»

Ландо, коляски, лимузины,
Гербы, бумажники, безделки,
Брильянты, жемчуга, рубины —
К закату солнца — все на «Стрелке»!

Струит фонтанно в каждой даме
Аккорд Герленовских флаконов,
И веет тонкими духами
От зеленеющих газонов.

И в непрерывном лабиринте
Гербов, камней и туалетов
Приподнимаются цилиндры
И гордо щурятся лорнеты.

И солнце, как эффект финальный,
Заходит с видом фатоватым
Для Петербурга специально —
Особо — огненным закатом.

ДАМА НА СВИДАНИИ

Вы не видали господина,
Виновника сердечных мук?
На нем цилиндр и пелерина
И бледно-палевый сюртук.

Вот, как зовут его? Не помню!
Вчера в Гостином у ворот
Без разрешения его мне
Представил просто сам Эрот.

Он подошел с поклоном низким,
Корректно сдержан *à l'anglaise*,
Тихонько передал записку,
Приподнял шляпу и — исчез.

Но где ж записка? Ради Бога!...
Ах, вот она! Лети, печаль!
Вот: «Николай Васильич Гоголь»...
Вы не слышали? Очень жаль!...

В. О. 17 Л.

**Вот раскрытое окошко.
И задумчиво сидит
В том окошке рядом с кошкой
Госпожа Агнесса Шмидт.
Где-то мерно бьет «12»...
И, взглянувши на чулки,
Стала тихо раздеваться
Госпожа Агнесса. И —
 Ах, Агнессочка, Агнессочка!
 Опустилась занавесочка!..**

**Через миг, довольно резко,
Совершенно невзначай
Вдруг поднялась занавеска...
— Ай, Агнесса! Ай-яй-яй!
Рядом с ней, в любви неистов,
В совершенном забытьи
Господин судебный пристав
Страстно шепчет что-то... И —
 Ах, Агнессочка, Агнессочка!
 Опустилась занавесочка!..**

**Через миг, ужасно резко,
Чьей-то гневной рукой
Вновь поднялась занавеска...
— Ой, Агнесса! Ой-ой-ой!
Ах, как грустно! Ах, как жалко**

Неудачников в любви!
Муж Агнессы с толстой палкой
К ним подходит быстро... И —
Ах, Агнессочка, Агнессочка!
Опустилась занавесочка!..

НАВЕЛ 1-Й

Смерть с Безумьем устроили складчину.
И, сменив на порфиру камзол,
В Петербург прискакавши из Гатчины,
Павел I-й взошел на престол.

И, Судьбою в порфиру укутанный,
Быстрым маршем в века зашагал,
Подгоняя Россию шпицрутеном,
Коронованный Богом капрал.

Смерть шепнула Безумью встревоженно:
«Посмотри: видишь гроб золотой?
В нем Россия Монархом положена...
Со святыми ее упокой!»

Отчего так бледны щеки девичьи
Рано вставших Великих Княжен?
Отчего тонкий рот Цесаревича
Дрожью странною так искривлен?

Отчего тяжко так опечалена
Государыня в утренний час?
И с лица побледневшего Палена
Не отводит испуганных глаз?

Во дворце не все свечи потушены:
Три свечи светят в гроб золотой.
В нем лежит Император удушенный...
Со святыми его упокой!

ПРИНЦЕССА МОЛЬ

Ах, шум кулис извивно-узких!
Ах, закулисная фриволь!
Ах, блеск театров Петербургских!..
Все знаю я, принцесса Моль.

Я помню радостные миги,
Я помню преклоненный зал,
Когда бессмертный Каратыгин
Вдвоем с Бессмертием играл.

И вижу я, как в медальоне,
Как только что ушедший сон,
Носок летающий Тальони
И четкий профиль Монбазон.

И сквозь столетие донные
Из глубины могильных плит
„La donna“ юного Мазини
Еще в ушах моих звенит.

Но в вечность огненным закатом
Ушли былые времена...
И ныне, в 910-ом,
Иные встали имена.

И, стариков своих не выдав,
Неколебимы среди толпы
Варламов, Ходотов, Давыдов —
«Александринские столпы»...

**Ах, Петербург! В борьбе с судьбою,
В глазах все небо затая,
Горит лампадой пред тобою
Комиссаржевская твоя.**

**То упадая, то взлетая,
С Невы на целый мир кругом
Сверкает Павлова 2-я
Алмазно блестящим носком.**

**А «Летний Буфф»? Ах, в иступленье
До Невского несется «bis!»
Когда там с Вяльцевой в «Елене»
Играет Северский-Парис.**

**Скороговорщиком затейным
Во всю резвится второпях
Курихин Федя на «Литейном»
В ста восемнадцати ролях!**

**Но, чу... Часы!.. Как быстро осень
Спускает с неба вечера!
На Петропавловке бьет «8»,
И мне в Мариинский пора!**

**Сейчас, как мухи на бисквите,
Все дамы там! Наперечет!
— Ах, там ведь Собинов, поймите,
Сегодня Ленского поет!**

ДАМА ИЗ ЭРМИТАЖА

Ах, я устала так, что даже
Ушла, покинув царский бал!..
Сам Император в Эрмитаже
Со мной сегодня танцевал!

И мне до сей поры все мнится
Блеск императорских погон,
И комплимент Императрицы,
И Цесаревича поклон.

Ах, как мелькали там мундиры!
(Знай, только головы кружи!)
Кавалергарды, кирасиры,
И камергеры, и пажы!

Но больше, чем все кавалеры,
Меня волнует до сих пор
Неведомого офицера
Мне по плечам скользнувший взор.

И я ответила ему бы...
Но тут вот, в довершенье зол,
К нему, сжав дрогнувшие губы,
Мой муж сейчас же подошел.

Pardon! Вы, кажется, спросили,
Кто муж мой? Как бы вам сказать...
В числе блистательных фамилий
Его — увы! — нельзя назвать...

**Но он в руках моих игрушка!
О нем слышали вы иль нет?
Александр Сергееч Пушкин,
Камер-юнкер и поэт!..**

В ДОМИКЕ НА ВВЕДЕНСКОЙ

**У нее — зеленый капор
И такие же глаза.
У нее на сердце — прапор,
На колечке — бирюза!**

**Ну, и что же тут такого? ..
Называется ж она —
Марь Иванна Иванова
И живет уж издавна —**

**В том домишке, что сутулится
На углу Введенской улицы,
Позади сгоревших бань,
Где под окнами — скамеечка,
А на окнах — канареечка
И — герань!**

**Я от зависти тоскую!
Боже правый, помоги!
Ах, какие поцелуи!
Ах, какие пироги!**

**Мы одно лишь тут заметим,
Что, по совести сказать,
Вместе с прапором-то этим
Хорошо бы побывать —**

**В том домишке, что сутулится
На углу Введенской улицы,
Где под окнами — скамеечка,
А на окнах — канареечка
И — герань!**

БЕЛОЙ НОЧЬЮ

**Белой ночью белый ландыш
Я воткну, грустя, в петлицу
И пойду за белой сказкой
В белый, призрачный туман...**

**Посмотрите, посмотрите!
У Цепного Моста кто-то
В старомодной пелерине
Неподвижно смотрит вдаль...**

**Господин в крылатке тихо
Про него шепнул другому:
«Николай Васильич Гоголь,
Сочинитель «Мертвых Душ»...**

**У Сената, сдвинув брови,
Гнет сверкающую шпагу
Незнакомец в треуголке
С пистолетом при бедре.**

**Отчего так странно бледен
Незнакомец в треуголке?
Отчего сжимает петля
Золоченый воротник?**

**Чу! К нему, гремя оружием,
С двух сторон подходят двое...
Подошли. «Полковник Пестель,
Нао прислал к вам Государь!»**

Белой, мертвой, странной ночью,
Наклонившись над Невою,
Вспоминает о минувшем
Странный город Петербург.

Посмотрите, посмотрите!
Вот задумался о чем-то
Незнакомец в альмавиве,
Опершись на парпет.

С Петропавловской твердыни
Бьют Петровские куранты,
Вызывая из могилы
Беспокойных мертвецов.

И тотчас же, возле арки,
Там, где Зимняя Канавка,
Белый призрак Белой Дамы
Белым облаком сошел.

Зазвенели где-то шпоры,
И по мертвому граниту
К мертвой даме на свиданье
Мчится мертвый офицер.

«Герман!» «Лиза!» И тотчас же,
Оторвавшись от гранита,
Незнакомец в альмавиве
Гордый профиль повернул.

— Александр Сергеич! Вы ли?
Вы ли это? Тот, чье имя
Я в своих стихах не смею
До конца произнести!

Белой, мертвой, странной ночью,
Наклонившись над Невою
Вспоминает о минувшем
Странный город Петербург...

КОГДА ГОЛОДАЕТ ГРАНИТ

**Был день и час, когда уныло
Вмешавшись в шумную толпу,
Краюшка хлеба погрозила
Александрийскому столпу!**

**Как хохотали переулки,
Проспекты, улицы... И вдруг
Пред трехкопеечною булкой
Склонился ниц Санкт Петербург!**

**И в звоне утреннего часа
Скрежещет лязг голодных плит!
И вот — от голода затрясся
Елизаветинский гранит!**

**Вздохнули старые палаццо...
И, потоптавшись у колонн,
Пошел на Невский продаваться
Весь блеск прадедовских времен!**

**И сразу сгорбились фасады...
И, стиснув зубы, над Невой
Восьмизэтажные громады
Стоят с протянутой рукой!**

**Ах, Петербург! Как страшно просто
Подходят дни твои к концу!
— Подайте Каменному Мосту!
— Подайте Зимнему Дворцу!**

УЖЕЛЬ НАСТУПИТ ЭТОТ ЧАС?

**Ужель наступит этот час
На Петропавловских курантах,
Когда столица в первый раз
Заблещет в этот страшный час
В слезах, как ранее — в брильянтах?
Ужель наступит этот час
На Петропавловских курантах?**

**Ужель наступит этот год
Над Петербургом вечно-звонным,
Когда гранит во прах падет,
И кровь забрызжет небосвод,
И ахнет твердь гранитным стоном?
Ужель наступит этот год
Над Петербургом вечно-звонным?**

ГРАФ КАЛИОСТРО

Колонный Эрмитажный зал
Привстал на цыпочках! И даже
Амуры влезли на портал!
Сам Император в Эрмитаже
Сегодня польку танцевал!

Князь N, почтен и сановит,
Своей супруге после танца
В кругу галантных волокит
Представил чинно иностранца,
Весьма приятного на вид:

«Граф Калиостро — розенкрейцер,
«Наимудрейший из людей,
«Единственный из европейцев
«Алхимик, маг и чародей!»

Прошло полгода так. И вот
Княгине князь промолвил остро:
«Вам надо бы продолжить род
«Совсем не графа Калиостро,
«Ну, а как раз наоборот!»

Княгиня, голову склоня,
В ответ промолвила смиренно:
«Ах, не сердитесь на меня,
«Я не виновна совершенно!
«Ну, что ж могла поделать я?

**«Граф Калиостро — розенкрейцер,
«Наимудрейший из людей,
«Единственный из европейцев
«Алхимик, маг и чародей!»**

КНЯЗЬ ПАВЕЛ

С князем Павлом сладу нет!
Comprenez vous? Дело в том,
Что к статс-даме он в карету
Под сиденье влез тайком!
Не качайте головами!
Ведь беды особой нет,
Если было той статс-даме
Только... только 20 лет!

Это было в придворной карете
С князем Павлом в былые года...
Это было при Елизавете
И не будет уж вновь — никогда!

И, прикрывши ножки тальмой,
Затряслась статс-дама: «Ой!
Сколь вы прытки, государь мой,
И сколь дерзостны со мной!»
Князь ей что-то тут невнятно
Прошептал... И — стихло там!
Ведь любовь всегда приятна
Даже... даже для статс-дам!

Это было в придворной карете
С князем Павлом в былые года...
Это было при Елизавете
И не будет уж вновь — никогда!

**И, взглянув на вещи прямо,
Поборов конфуз и страх,
Очень долго та статс-дама
Пребывала в облаках.
И у дома, спрыгнув на землю
С той заоблачной стези,
Нежно так простилась с князем
И промолвила: «Мерси!»**

**Это было в придворной карете
С князем Павлом в былые года...
Это было при Елизавете
И не будет уж вновь — никогда!**

В АРХИПЕЛАГЕ

**Под сенью греческого флага,
Болтая с капитаном Костой,
Средь островов Архипелага
Мне вспомнился Елагин Остров.**

**Тот самый сухопутный остров,
Куда без всяких виз французских
Вас отвозил легко и просто
Любой извозчик петербургский.**

.

**И в летний день, цветами пестрый,
И в индевеющие пурги —
Цвети, цвети, Елагин Остров,
Цветок в петлице Петербурга!**

КРАСНЫЙ ДОМ

**Вы помните тот вечно-звонный
Неугомонный Красный Дом,
Вздымающий свои фронтоны
В великолепии своем?**

**Где с давних пор в российском мраке,
На целый мир среди этих зал
Российской мысли вечный факел
Неугасаемо пылал.**

**Где каждый год в зловещем гаме,
Под неустанный смех и спор
Двадцатилетними глазами
Сверкал гигантский коридор!**

**Там, под гуденье аудиторий,
Среди новых улиц, новых дней,
Вздыхает в старом коридоре
Тень мертвой Юности моей.**

ЕЛИСАВЕТ

Ау, века! Ах, где ты, где ты,
Веселый век Елизаветы,
Одетый в золото и шелк?
Когда в ночи, шагая левой,
Шел на свиданье, как Ромео,
К Императрице целый полк!
Когда на царском фестивале
Сержанты томно танцевали
С Императрицей менуют. . .

— Любила очень веселиться
Веселая Императрица
Елисавет!

Ау, века! Ах, где ты, где ты,
Веселый век Елизаветы,
Когда на площади Сенной
Палач в подаренной рубаше
К ногам Царицы с черной плахи
Швырнул язык Лопухиной!
И крикнул с пьяною усмешкой:
«Эй, ты, честной народ, не мешкай!
Кому язык? Берешь аль нет?»

— Любила очень веселиться
Веселая Императрица
Елисавет!

НА ПЕТЕРБУРГСКОЙ СТОРОНЕ

**Все это было в переулке
На Петербургской Стороне,
Где все шаги чрезмерно гулки...
И в поэтической прогулке
Вы поболтать позвольте мне
О том, что было в переулке
На Петербургской Стороне.**

**В том переулке был домишко,
Ну, а в домишке том — она,
С полуразрезанною книжкой,
С тоской, вязаньем и Амишкой —
Майора некого жена.
В том переулке был домишко,
Ну, а в домишке том — она.**

**Майор! Майор! Но где майор же?
Майор воюет на войне!
Что может быть на свете горше
Судьбы скучающей майорши
На Петербургской Стороне?
Майор! Майор! Но где майор же?
Майор воюет на войне.**

**Но вот, коллежский регистратор
Встал перед нею „à genoux“
И, сделав под окном сперва тур,**

**В любви пылая, как экватор,
Прельстил майорову жену
Коллежский этот регистратор,
Пред нею вставши „à genoux“.**

**Что ж? Кроме всяческих военных
Есть и гражданские чины!
И, не позоря чин военный,
Мы беспристрастно совершенно
Отметить все же тут должны,
Что кроме всяческих военных
Есть и гражданские чины!**

В 5 ЧАСОВ УТРА

— Мой Бог, вот скука! Даже странно,
Какая серая судьба:
Все тот же завтрак у Контана,
Все тот же ужин у Кюба!

И каждой ночью, час от часа,
В Крестовском, в Буффе, у Родэ
Одни и те же ананасы,
Одни и те же декольте!

В балете же тоска такая,
Что хоть святых вон выноси!
Все та же Павлова 2-ая
Et voilà! Et voici!

Цыгане воют, как гиены,
И пьют, как 32 быка!
В Английском Клубе неизменно —
Тоска и бридж! Бридж и тоска!

И вообще — нелепо странно
Жить в этом худшем из веков,
Когда, представьте, рестораны
Открыты лишь до трех часов!..

Едва-едва успел одеться, —
Уже, пожалте, спать пора!
И некуда гусару деться
Всего лишь в 5 часов утра!

.

**Гусар слезу крюшона вытер,
Одернул с сердцем рукава
И молвил вслух: «Проклятый Питер!
Шофер, на острова!»**

ТУМАННАЯ ИСТОРИЯ

Ах, все это чрезмерно странно,
Как Грандисоновский роман...
И эта повесть так туманна,
Зане в то время был туман.

И некто в серой пелерине,
Большой по виду ферлакур,
Промолвил даме в кринолине
Многозначительно — „Bonjour!“

И долго там в тумане некто
С ней целовался неспроста
От Вознесенского Проспекта
До Поцелуева Моста!

Но кто ж она-то? Как ни странно,
Без лиц ведется сей роман...
Ах, эта повесть так туманна,
Зане в то время был туман!

И некто в черной пелерине,
Столкнувшись с ними, очень хмур,
Промолвил даме в кринолине
Многозначительно — „Bonjour!“

И долго там в тумане некто
Бранился с нею неспроста
От Вознесенского Проспекта
До Поцелуева Моста!

ЧЕТЫРЕ

**«Кюба»! «Контан»! «Медведь»! «Донон»!
Чьи имена в шампанской пене
Взлетели в невский небосклон
В своем сверкающем сплетеньи!**

**Ужель им больше не звенеть?
Ужель не вспенят, как бывало,
Кюба, Контан, Донон, Медведь
Свои разбитые бокалы?**

**Пусть филистерская толпа
Пожмет плечами возмущенно:
Нет Петербурга без Кюба!
Нет Петербурга без Донона!**

ГРАНИТНЫЙ ПРИЗРАК

**Как бьется сердце! И в печали,
На миг былое возвратив,
Передо мной взлетают дали
Санкт Петербургских перспектив.**

**И, перерезавши кварталы,
Всплывают вдруг из темноты
Санкт Петербургские каналы,
Санкт Петербургские мосты.**

**И, опершись на колоннады,
Встают незыблемой чредой
Дворцов гранитные громады
Над потемневшею Невой.**

**Звенят проспекты и бульвары,
И в бесконечности ночей
На влажных плитах тротуаров
Дробится отсвет фонарей.**

**Пусть апельсиновые аллеи
Лучистым золотом горят,
Мне Петербургский дождь милее,
Чем солнце тысячи Гренад!**

**Пусть клонит голову все ниже,
Но ни друзьям и ни врагам
За все Нью Йорки и Парижы
Одной березки не отдам!**

**Что мне Париж, раз он не русский!
Ах, для меня под дождь и град
На каждой тумбе Петербургской
Цветет шампанский виноград!**

**И, застилая все живое,
Туманом Невским перевит,
Санкт Петербург передо мною
Гранитным призраком стоит!**

«ПЛАН ГОРОДА САНКТ ПЕТЕРБУРГА»

**В Константинополе у турка
Валялся, порван и загажен,
«План города Санкт Петербурга»
(«В квадратном дюйме — 300 сажен»).**

**И вздрогнули воспоминанья!..
И замер шаг!.. И взор мой влажен...
В моей тоске, как и на плане,
«В квадратном дюйме — 300 сажен»!**

БУКЕТ ОТ ЭЙЛЕРСА

**Букет от Эйлерса. . . Вы слышите мотив
Двух этих слов, увы, так отзвеневших скоро?
Букет от Эйлерса! Того, что супротив
Многоколонного Казанского собора!..**

**И помню я: еще совсем не так давно...
Ты помнишь, мой букет? Как в белом,
белом зале
На тумбочке резной у старого панно
Стоял ты в хрустале на Крюковом Канале?..**

**Сверкала на окне узоров льдистых вязь,
Звенел гул санного искрящегося бега
И падал весело декабрьский снег, кружась...
Букет от Эйлерса ведь не боялся снега!**

**Но в три дня над Невой столетье пронеслось!
Теперь не до цветов! И от всего букета,
Как срезанная прядь от дорогих волос,
Остался лишь цветок засушенный вот этот!**

**Букет от Эйлерса давно уже засох!
И для меня теперь в рыдающем изгнании
В засушенном цветке дрожит последний вздох
Санкт Петербургских дней, растаявших
в тумане.**

**Букет от Эйлера!.. Вы слышите мотив
Двух этих слов, увы, так отзвеневших скоро?
Букет от Эйлера! Того, что супротив
Многоколонного Казанского Собора!..**

ДАМА В КАРАТЕ

**В Париж! В Париж! Как сладко-странно
Ты, сердце, в этот миг стучишь!
Прощайте, Невские туманы,
Нева и Петр! — В Париж! В Париж!**

**Там — дым всемирного угара,
Rue de la Paix! Grand Opéra!
Вином залитые бульвары
И — карнавалы до утра!**

**Париж — любовная химера!
Все пало пред тобой уже!
Париж Бальзака и Бодлера,
Париж Дюма и Беранже!**

**Париж кокоток и абсента,
Париж застывших луврских ниш,
Париж Коммуны и Конвента
И — всех Людовиков Париж!**

**Париж бурлящего Монмартра,
Париж Верленовских стихов,
Париж штандартов Бонопарта,
Париж семнадцати веков!**

**И тянет в страсти неустанной
К тебе весь мир уста свои,
Париж Гюи-де-Мопассана,
Париж смеющейся любви!**

**И я везу туда не мало
Добра в фамильных сундуках:
И слитки золота с Урала,
И перстни в дедовских камнях!**

**Пускай Париж там подивится,
Своих портных расшевели,
На черную лисицу,
На горностаю и соболя!**

**Но еду все ж с тоской в душе я!
Дороже мне поклажи всей
Вот эта ладанка на шее:
В ней горсть родной земли моей!**

**Ах, и в аллеях Люксембурга,
И в шуме ресторанных зал —
Туманный призрак Петербурга
Передо мной везде стоял!**

**Пусть он невидим! Пусть далек он!
Но в грохоте парижских дней
Всегда, как в медальоне локон,
Санкт Петербург — в душе моей!**

Н. Н. ХОДОТОВУ

Когда тебя увижу, вдруг,
Вмиг, под дрожащей пеленою,
Весь старый пышный Петербург
Встает, как призрак, предо мною!

Декабрьских улиц белизна,
Нева и Каменноостровский,
И мерный говор Куприна,
И трели Лидии Липковской!

И пробка шумного Аи,
И Вильбушевич с Де Лазари,
Пажи бессменные твои
На пианино и гитаре!

И всех встречающий дом твой,
Где не слышали слова — «Тише!»
И неразрывные с тобой
Александринские афиши!

Ты — знамя юности моей!
Тебя несу в душе доньше!
Ты — отблеск Петербургских дней
На приютившей нас чужбине!

ГОЛУБАЯ ДАМА

В этот день, как огромный опал,
Было небо прозрачно... И некто,
В черный плащ запахнувшись, стоял
На мосту у Большого Проспекта.

И к нему, проскользнув меж карет,
Словно выйдя из бархатной рамы,
Подошла, томно вскинув лорнет,
В голубом незнакомая Дама.

Был на ней голубой кринолин,
И была она вся голубою,
Как далекий аккорд клавесин,
Как апрельский туман над Невоею.

«Государь мой, признайтесь: ведь вы —
Тот вельможа, чей жребий так славен,
Князь Тавриды — Потемкин?» — «Увы!
Я всего только старый Державин!»

И, забыв о Фелице своей,
Сбросив с плеч тяготившие годы,
Старый мастер сверкнул перед ней
Всею мощью Державинской оды!

Но она, подобрав кринолин,
Вдаль ушла, чуть кивнув головою...
Как далекий аккорд клавесин,
Как апрельский туман над Невоею.

НА РАССВЕТЕ

Рассветает! Даль зовет
В вихри звоном санным...
Тройка стынет у ворот...
— Ну-ка, Петр! К цыганам!

Гаркнул зычно Петр: «Па-а-ди!»
(Парень он таковский!)
И остался позади
Каменноостровский.

Лейб-гусарские усы
Вмиг заиндевели!
И уткнулись все носы
В серые шинели.

И сквозь снежный адамант,
Для лихой попойки
Полетели в «Самарканд»
Взмыленные тройки.

«Тусса! Тусса! Тусса!
Мэкамам чочо!
Це-е-словаться горячо!»

ТРИПТИХ

Кулебяка «Доминика»,
Пирожок из «Квисисаны»,
«Соловьевский» бутерброд...

Вот триптих немного дикий,
Вот триптих немного странный,
Так и прыгающий в рот!

Каждый полдень, хмурия лики,
Предо мною из тумана
Трое призраков встает:

Кулебяка «Доминика»,
Пирожок из «Квисисаны»,
«Соловьевский» бутерброд!

ЕКАТЕРИНИНСКИЙ КАНАЛ

Вы не бывали
На канале?
На погрузившемся в печаль
Екатерининском канале,
Где воды, тяжелее стали,
За двести лет бежать устали
И побегут опять едва ли...
Вы там, наверное, бывали?
А не бывали, — очень жаль!

Эрот в ночи однажды тайно
Над Петербургом пролетал
И уронил стрелу случайно
В Екатерининский канал.
Старик-канал в волненьи странном
Запенил, забурлил вокруг
И вмиг Индийским Океаном
Себя почувствовал он вдруг.

И, заплескавши тротуары,
Ревел, томился и вздыхал
О параллельной Мойке старый
Екатерининский канал.
Но Мойка — женщина. И бойко
Решив любовные дела,
Ах, Крюкову каналу Мойка
Свое теченье отдала!

**Ужасно ранит страсти жало!..
И пожелтел там на финал
От козней Крюкова канала
Екатерининский канал!..**

**Вы не бывали
На канале?
На погрузившемся в печаль
Екатерининском канале,
Где воды, тяжелее стали,
За двести лет бежать устали
И побегут опять едва ли...
Вы там, наверное, бывали?
А не бывали, — очень жаль!**

КОРОБКА СПИЧЕК

Как вздрогнул мозг, как сердце сжалось!
Весь день без слов, вся ночь без сна!
Сегодня в руки мне попалась
Коробка спичек «Лапшина»...

Ах, сердце — раб былых привычек!
И перед ним виденьем вдруг
Из маленькой коробки спичек
Встал весь гигантский Петербург:

Исакий, Петр, Нева, Крестовский,
Стозвонно-плещущий Пассаж,
И плавный Каменноостровский,
И баснословный Эрмитаж,

И первой радости зарницы,
И грусти первая слеза,
И чьи-то длинные ресницы,
И чьи-то серые глаза...

Поймете-ль Вы, чужие страны,
Меня в безумии моем?
Ведь это Юность из тумана
Мне машет белым рукавом!..

Последним шопотом привета
От Петербурга лишь одна
Осталась мне, всего лишь эта —
Коробка спичек «Лапшина»...

ВЫ ПОМНИТЕ БЫЛЫЕ ДНИ?

**Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?
Как были праздничны они
Над Петербургскою Невою!..**

**Вы помните, как ночью вдруг
Взметнулись красные зарницы,
И утром вдел Санкт Петербург
Гвоздики юности в петлицу!**

**Ах, кто мог знать, глядя в тот раз
На двухсотлетнего гиганта,
Что бьет его последний час
На Петропавловских курантах!**

**И вот иные дни пришли...
И для изгнанников дни эти
Идут вдали от их земли
Тяжелой поступью столетий.**

**Вы помните былые дни,
Когда вся жизнь была иною?
Как были праздничны они
Над Петербургскою Невою!**

**Вы помните иглистый шпид,
Что Пушкин пел так небывало?
И пышность бронзовых страниц
На вековых пьедесталах?**

**И ту гранитную скалу,
Где Всадник взвился у обрыва,
И вдаль летящую стрелу
Звонящей Невской перспективой?**

**И красок вечный карнавал
В картинных рамах Эрмитажа,
И электрический скандал
Часов «Омега» над Пассажем?**

**И толщъ Исакиевских колонн,
И разметенные по свету
«Биржевку», «Речь», «Сатирикон»
И «Петербургскую Газету»!**

**И вздох любви нежданных встреч
На площадях, в садах и скверах,
И блеск открытых дамских плеч
На вернисажах и премьерях!**

**И чьи-то прятные уста,
И поцелуи в чьем-то взоре
У разведенного моста
На ожидающем моторе!..**

**Вы помните про те года
Угасшей жизни Петербургской?
Вы помните? Никто тогда
Вас не корил тем, что вы — «русский»!**

**И, белым облаком скользя,
Встает все то в душе тревожной,
Чего вернуть — увы! — нельзя,
И позабыть что невозможно!**

ГОРОДОВОЙ *)

Городовой! Как звучно это слово,
Какая мощь, какая сила в нем!
Ах, я боюсь — спокойствия бывшего
Мы без тебя в отчизне не найдем.

Где б не был ты — ты был всегда на месте,
Всегда стоял ты грозно впереди.
В твоих очах, в твоих державных жестах
Один был знак — «Подайся! Осади!»

Бранился ль я с неугомонным «Ванькой»
Иль ночью шел по улице с трудом,
Не ты ли был защитником и нянькой,
Не ты ли мне указывал мой дом.

Прекрасен клич восставшего народа,
Волнуют грудь великие слова.
Но без тебя ведь и сама свобода
Запуганному сердцу не мила.

Мечтой небес, миражем дивной сказки
Опять встает знакомый образ твой.
И знаю я, что без твоей указки
Нам не пройти искомой чередой.

О появись с багрово красным ликом,
С медалями, с крестами на груди
И обойди всю Русь с великим криком:
«Куда ты прешь! Подайся! Осади!»

*) Это стихотворение не входило в сборник «Блистательный Санкт-Петербург» и было получено издателем из частных рук.

От издателя:

В ближайшем будущем выйдет вторая книга стихов Н. Агнiewiczа «Мои песенки» с иллюстрациями худ. К. К. Кузнецова. Заказы на это издание направлять по адресу: B. Tscharkowsky, 45 Linda Str., San Francisco 10.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Блистательный Санкт Петербург	5
Вдали от тебя, Петербург	6
Гранитный барин	8
Санкт Петербургские триолеты	9
Странный город	10
У Александринского театра	11
Санкт Петербург	12
Петр Первый	14
Случай на Литейном Проспекте	15
На Стрелке	17
Дама на свидании	18
В. О. 17 Л.	19
Павел I-й	21
Принцесса Моль	22
Дама из Эрмитажа	24
В домике на Введенской	26
Белой ночью	28
Когда голодает гранит	30
Ужель наступит этот час?	31
Граф Калиостро	32
Князь Павел	34
В Архипелаге	36
Красный дом	37
Елисавет	38
На Петербургской Стороне	39
В 5 часов утра	41
Туманная история	43

Четыре	44
Гранитный призрак	45
План города Санкт Петербурга	47
Букет от Эйлерса	48
Дама в карате	50
Н. Н. Ходотову	52
Голубая дама	53
На рассвете	54
Триптих	55
Екатерининский канал	56
Коробка спичек	58
Вы помните былые дни?	59
Городовой	61
Оглавление	63